

МЕТАЛЛ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Введение

Материал есть способ передать идею, выразить ее наиболее полно и объективно. Идея может существовать сама по себе, но обрести язык способна только лишь, когда получит материальную оболочку. Материальный мир является выражением культурной среды. Природа и идея объединяются, обуславливая друг друга. Обработывая природные материалы, придавая им форму, мастер как бы «менял мир». Мозг рождает идею, глаза наблюдают за рождением формы, которую создают руки, четко ощущая подвластный им материал. Тем самым вещь, созданная человеком, «делается носителем его «сущностных сил», «одухотворяется» [1, с. 265].

Дж. Рескин целенаправленно обосновывал важность изучения материала, и не просто как формообразующей массы, а именно требуя от мастера вникнуть в его внутреннее строение и особенности. Он говорил, что ни живописец, ни рисовальщик, ни скульптор, ни прикладник не смогут создать шедевр, если ничего не понимают в материале, который используют. Только уподобившись ботаникам, зоологам, геологам, они смогут постичь «душу» материала. Он писал: «Вы увидите, что в окраске, блеске и линиях самого незначительного обломка породы обнаруживается действие сил разного рода и разной интенсивности, начиная с тех, которые потрясают землю вулканическим напором, и, заканчивая теми, которые полируют кристаллы и заставляют вроде бы неподвижные металлы соединяться в жилы» [2, с.181].

В этом ракурсе особое место отводится декоративно-прикладному искусству, так как оно отличается применением самого большого разнообразия материалов и является к тому же самым древним. Целью статьи является искусствоведческий анализ лишь одного материала, но зато, вероятно, самого важного, – металла. Прежде чем осуществить его, необходимо определить позиции и значение декоративно-прикладного искусства вообще, далее будет логичным обратиться непосредственно к художественным свойствам металлов.

Практически все пластические искусства, кроме прикладного, отличаются свободой выбора нужного им материала. Будь

то живописец или скульптор, каждый из них уже относительно своей задумки выбирает материал, наиболее адекватный для полноценного выражения идеи. Но в случае с прикладным искусством все иначе. Здесь превалируют функционально-конструктивные параметры материала, а не художественная задача. Она, безусловна, важная, но не определяющая. Имея конкретный материал, понимая его, мастер согласовывает замысел. К примеру, уже имеющийся тип металла, кожи и т.п. в конечном счете, обусловит вид декора. Главным здесь являются особенности материала, и выбор изобразительных средств адаптируется к технологии его обработки.

Эта простая дифференциация имеет весьма серьезные последствия для искусства. Обращаясь к истории искусства, мы видим, что возвышение определенных жанров и даже видов искусства имеет под собой конкретную основу. Так, лишь с появлением масляных красок, живопись полностью преобразуется, ей становятся доступны совершенно иные выразительные средства, что возносит ее на вершины, до этого недостижимые. До того, как масло стало едва ли не главным атрибутом живописи, достичь определенного психологического уровня персонажей было почти невозможно. Но масляные краски до конкретного времени просто не существовали, и, как следствие, это отразилось на богатстве живописного языка. Это так же легко отследить на примере современной скульптуры или архитектуры. Изобретение новых материалов открыло для этих видов искусства иные горизонты и возможности.

В системе видов декоративно-прикладного искусства мы наблюдаем противоположную концепцию. «Непосредственно связанное с техникой ремесла, непосредственно зависящее от экономических факторов, оно (прикладное искусство) решало свои материально-технические проблемы, нимало не заботясь о том, насколько это поможет или затруднит решение задач изобразительных. Обладая полноценными собственными средствами создания художественного образа, средствами архитектурными и орнаментально-декоративными, превосходно «работающими» в любом материале и при любой технологии, прикладное искусство заставляло искусство изобразительное приспосабливаться к своим материально-техническим возможностям, делая это приспособление не переменным условием синтеза», – говорит М.С. Каган [3, с. 178]. Осознавая специфику прикладного искусства, понятной становится важность материала, и

не столько из-за его художественных особенностей, сколько исходя из него самого. Наибольший интерес, обусловленный задачами настоящего исследования, представляет собой металл.

Основная часть

Металл как эволюционный культурологический фактор. Металл без преувеличений можно считать индикатором эволюции человека. На данный момент именно металлы, и ничто иное, есть главный показатель развития культуры. Не письменность или художественное своеобразие, а добыча металлов и степень развития их обработки. Мы и сейчас судим о статусе и уровне страны по наличию в ней добывающего и перерабатывающего металлургического комплекса. Экономика и, следовательно, политика, со всеми вытекающими отсюда последствиями, – все это завязано исключительно на обладании ресурсной базой.

В архаичное время и античную эпоху у греков «искусство добычи руды и производства металлов связывалось с раскрытием тайн природы. Само слово *металл* происходит от греческого *металло*, что означает «искать, находить спрятанное» [4, с. 339]. «Спрятанное» суть потаенное, запретное. Это значит, что металлургия является особенным ремеслом, больше божественным, чем человеческим. Тит Лукреций Кар «на основе знакомства с ближневосточной и греческой мифологией утверждал о трех главных веках: каменном, бронзовом и железном» [5, с. 24]. Эта своеобразная иерархия материалов чрезвычайно важна для понимания глобальных вех в развитии человечества, в основе которого лежит освоение человеком новых технологий.

Е.Н. Черных отмечает, что именно «на признаках освоения новых технологий в металлургическом производстве издавна строились базовые предпосылки глобальной периодизации развития человеческих сообществ» [6, с. 148]. Исторические и политические коллизии, переживаемые обществом, так или иначе подчинялись умению человека работать с металлом. Почему же именно металл стал «проводником» эволюции? Отчего ему отводится такое важное место? Пытаясь анализировать это, необходимо обратиться к исследованиям эзотерического смысла металла, металлургии и горного дела.

Одной из самых почитаемых сакральных наук было учение о металлах и их свойствах. Не просто знаний минералов, но в большей степени металлов. «Металлургия считалась деянием сак-

ральным, и плавильные печи рассматривались как своего рода судебные инстанции – лишь из-за того, что внутри них совершалось таинство, акт творения, «рождения» металлов», – писал М. Элиаде в своем труде «Азиатская алхимия», – «Металлургия для древних не была делом мирским, прагматическим – но священнодействием, к которому допускались лишь определенные лица, знающие обряды» [7, с. 50].

Золото, серебро, медь – в природе встречаются в чистом виде и почитались древними как «дары богов». Неслучайно названия трех великих веков совпадают с этими металлами. Практически в любой мифологической традиции указывается на эти исторические вехи. Это время отождествляется с абсолютной гармонией и жизнью безо всяких забот. После халколита, медного века, человек как бы отторгается от божественных милостей и с тех пор зависит только от себя самого, вынужден сам строить свой мир.

Согласно истории как науке, каменный век, неолит, сменяется халколитом (медным веком), и это чрезвычайно важно, так как, пожалуй, это самый объективный показатель роста эволюционного сознания человечества, так как А.Х. Маргулан на основе своих изысканий доказал, что «люди научились выплавлять из руды первый металл – медь. Открытие металла явилось революционным событием в истории человечества. Это была эпоха энеолита или медно-каменного века, когда наряду с кремневыми микролитическими орудиями стали появляться и предметы из меди» [8, с.8]. Все полученные А.Х. Маргуланом данные говорят о том, что к выплавке первого металла – меди в Сарыарке человек подошел к концу неолита (IV–III тысячелетия до н.э.), когда открыл для себя свойства окисленной медной руды и самородных металлов.

Открытие человеком сплавов по существу перевернуло историю. Бронза как древнейший сплав до сих пор является непревзойденным материалом для пластических искусств. В силу особенных качеств ее основных составляющих – меди и олова, бронза ознаменовала новую фазу развития человечества. Открытый около 3000 г. до н.э., этот сплав и сейчас широко используется как скульптурный материал, несмотря на свою высокую себестоимость. Постепенно вытесненная из повседневного быта железом и сталью, бронза обрела вечную жизнь в искусстве, став «божественным материалом», сродни золоту и серебру. Учитывая, что месторождения олова встречаются далеко не везде, металлургические центры в эпоху бронзы соот-

носятся с важнейшими очагами мировых колебательных цивилизаций.

Настоящим эволюционным прорывом стал железный век. Археологи свидетельствуют, что «железо на западе Евразийского континента освоили раньше, чем на востоке» [6, с. 319]. Археологические исследования наличия развитой металлургической промышленности подтвердили древние письменные и устные мифологические источники, указывающие именно на этот регион. Впоследствии оттуда технология добычи и обработки железа распространилась в другие области, крупнейшей из которых стала Сары-Арка.

Железный век ознаменовал собой новый мировой порядок, и человечество получило преимущество для интенсивного развития. Соответственно, масштабнее всего это отразилось в ракурсе культуры. Как известно, железо, пригодное для металлургических работ, в чистом виде не существует. Его необходимо выделить из железосодержащей руды, очистить и провести еще целый ряд сложных технологических процедур.

Но возможности, открывающиеся в связи с освоением металлургии, многократно оправдывают усилия, предпринимаемые человеком. Параллельно активизируются другие производства, потому что «добыча и обработка металла требовала большого мастерства и специализации. Поэтому литейное дело, как и гончарное, а позже и ткацкое становятся самостоятельными отраслями производства. Художественная обработка металлов становится одним из основных видов творчества. Быстро были освоены все техники торевики: ковка, литье, чеканка и гравировка по металлу» [9, с.18]. Утилитарное значение металлов неоспоримо, они намного продвинули человечество вперед, но должно существовать и другое объяснение их значимости.

Некоторые культурологи и антропологи XX века изучали историю металлургии не как производства, а священной практики, которая, как оказалось, самым тесным образом связана с традиционными сакральными знаниями практически всех народов в древности на земле. Интересно, что разница в образе жизни, то есть между оседлыми и кочевыми народами обусловила и разное отношение к пониманию металлургии. Логично предположить, что металлургия – область, прямо соотносящаяся с минеральным миром, а значит и с оседлым, как твердо фиксированным в пространстве.

Отсюда можно сделать вывод, что для кочевых народов, скорее всего, это было табу. Металл наследовал камню, и то и другое как бы

«закрепляло» народ на одном месте. Р. Генон в своих «Очерках о традиции и метафизике» говорит, что «архитектура и строительство были запрещены традиционным законом кочевых народов, евреев и арабов. И прежде всего, искусства и ремесла, предполагающие обработку минералов. Причина очевидна: все эти искусства, в конце концов, приводят к «оплотнению» «отвердению» мира, которые на уровне телесной манифестации наиболее полно выражены в минералах» [10, с.256].

В данном случае речь идет о ближневосточных кочевниках, которые на определенном этапе (еще в глубокой древности) перестали быть таковыми. Р. Генон исследовал в основном только этот регион, и мало был знаком с кочевым миром Центральной Азии, однако, суть вышеозначенного запрета понимал явственно. Металлургия, горное дело равно как кузнечное ремесло зародились именно на Востоке, и там это понималось как священнодействие, доступное только посвященным, сознающим опасность и свое предназначение. Извращение сакральных основ, уравнивание с простым производством, лишало металлургию ее смысла, оттого, что понимание этого было доступно единицам, оседлый мир не мог представить себе всей масштабности этого искусства.

В кельтском, скандинавском фольклоре образы гномов и горных троллей также обособлены от других персонажей в виду их особого рода занятий. И те и другие не просто имеют дело с минералами и металлами, но вообще живут в пещерах под землей, и слывут опасными, жадными и мстительными, когда дело касается их сокровищ. Другие персонажи волшебного мира предпочитают не иметь дела с гномами из-за их маниакальной способности хранить тайны, связанные с разработкой недр.

В казахских сказках тоже можно встретить упоминания об особом статусе подземного (металлического) царства (ханства). Обычно главный герой в поисках украденной невесты или некоего магического артефакта после многих мытарств еще и оказывается глубоко под землей в медном (железном) городе, где правят змеи. Только пройдя через это испытание, батыр может перейти на качественно новый уровень, выбраться на поверхность земли и добиться своей цели.

М. Элиаде анализировал разные традиционные культуры Востока, считающиеся самыми древними, в контексте изучения алхимии и металлургии как алхимии. «Металлургическая

среда и дала мифы, которые затем веками питали фольклор и духовную жизнь Китая. Священные узы между людьми и металлами, тайна «воскрешения» металлов из руды (феномен, который подталкивал к неясному еще предчувствию трансмутации, воскресения, бессмертия), соответствие флоры какой-либо местности ее металлургической подпочве, – все это издревле оплодотворяло духовную жизнь народа, который позже пришел к алхимии как к мистической технике, а не как к химической науке» – писал он [7, с. 51].

Будучи в Индии, Элиаде в древних текстах наблюдал то же самое: «металлургия в Индии, как и в других странах, поначалу была «сакральной» деятельностью. «Ригведа» донесла до нас традицию применения в кузнечном деле некоторых растительных препаратов, что наводит на мысль о своеобразной связи между магией, мистикой и металлургией» [7, с. 75].

В известном корейском сказании о Ким Су Ро, жившем в раннем периоде эпохи Силла и известном как «царь железа», говорится, что он использовал для обработки железа некий сок хвойных растений, чтобы предотвратить коррозию металла, отчего его клинки были лучшими во всей стране и за ее пределами.

Кстати, племенной союз, ставший потом правящей династией Силла, имел устойчивые связи с центрально-азиатскими кочевниками, то есть, возможно, внезапный расцвет металлургии в Корее связан именно с трансляцией уже имеющихся обширных знаний о горном деле у номадов в иные земли, в частности, в Корею.

Люди и металлы. Если металлургия столь значительна сама по себе, то и люди, профессионально занимающиеся ею, занимают особое место. Горные мастера, особенно кузнецы, всегда уважались в народе, их даже побаивались, интуитивно подозревая в непосредственной связи с недоступными другим людям сферами. Р. Генон на основе своих длительных исследований пишет: «во многих странах существовало и еще даже существует нечто вроде частичного исключения из общины или, по крайней мере, «отстранения» по отношению к рабочим, имеющим дело с металлом, в особенности кузнецам, ремесло которых часто ассоциировалось с практикой худшей и опасной магии, могущей выродиться в конце концов в колдовство» [11, с.164].

Кузнецы держались вместе и никому из непосвященных не открывали секреты своего ремесла, учеников набирали нечасто, и то, только после предварительного строгого отбора. Но и

это не гарантировало, что ему доверят знание, потому что неофиту сначала предстояла нудная и тяжелая черновая работа, в процессе которой главный кузнец присматривал достойных учеников. Далее Р. Генон говорит: «с другой стороны, в некоторых традиционных формах металлургия была особо почитаема и даже служила основанием для очень значительных тайных организаций» [11, с.164].

Есть еще одна причина, по которой кузнецы обладали особым статусом: железо, упавшее с неба. Скорее всего, первым металлом было метеоритное железо, и только позже люди научились сами добывать его из земных недр. Небесный металл наделялся столь же мощной магической силой, что и извлекаемый из земных недр. Согласно мифам, с ним могли иметь дело только жрецы, гадатели и алхимики. Следом к ним присоединились мастера, способные облагородить «дар богов», – художники по металлу. Те, кто способен найти и добыть железо почитались в равной степени с теми, кто мог приспособить его к земным нуждам, то есть умели с ним работать, изготавливая не только нужные, но и прекрасные вещи.

Артефакты осмысливались как результат не просто ремесленной работы, но некоего ритуала, магического действия, трансформации таинственного порождения недр во что-то конкретное, земное, что можно взять в руки и ощутить его вес, шероховатость, красоту. Действительно, даже в Новое время процесс купелирования руды представлялся простым людям едва ли не алхимическим актом. «Связь между «плавлением» и «чудодействием» в некоторых народных традициях Азии сохраняется и сегодня», – подчеркивает М. Элиаде, – «работающие с металлом соприкасаются с таинственными и опасными силами. Магия металла одинаково действенна, будь она метеоритного или земного происхождения» [7, с.105].

Плавильная печь была основным «местом священнодействия». Кузнец сам разжигал ее, никому не доверяя, И вообще, устройство самой печи, ее конфигурация и, самое главное, количество и месторасположение поддувал, – все это передавалось только от учителя к ученику, и было предметом строжайшей тайны. Начало работы новой плавильни главный кузнец встречал после поста и ночного бдения, а также в новой или чистой одежде. В традициях многих азиатских народов закладка плавильни считалась заповедным деянием, его возлагали только на «праведника, владеющего «обрядами ремесла». И

початие горы для рудной добычи также было священнодействием, которое мог свершить не иначе как чистый муж, хранитель обряда» [7, с. 51].

Печь символизировала материнское чрево, рождающее металлы, а кузнец выступал как своеобразный родовспоможенец. Жидкое железо заполняло формы и там же застывало, меняя и агрегатное состояние и облик. Из металлов изготавливались не просто орудия труда, но, главное, оружие. Именно оно самым существенным образом повлияло на ход эволюции. Металлическое оружие позволило вынести военные столкновения на совершенно другой уровень, вовлекающий все больше и больше людей. В результате этого, количество материальных ценностей увеличивалось намного быстрее, чем путем мирного развития производства, отсюда имущественное неравенство и формирование новых экономических отношений.

Необходимо отдельно представить рассмотреть положение кузнецов у кочевых народов, так как их менталитет и мировоззрение в корне отличались от осельцев. Выше мы уже упоминали, что, по мнению Р. Генона у кочевых народов Ближнего Востока металлургия считалась «опасным» делом и была запрещена, так как могла «отвердить» текучую природу кочевников. Однако, подчеркнем, что в случае с кочевниками Центральной Азии, чьи культуры боли вообще не исследованы до недавнего момента, дело обстояло совершенно иначе.

Как показали археологические исследования Е.Н. Черных, прародиной металлургии является Малая Азия (эпоха «протометалла»), затем Балкано-Карпатский регион (металлургическая «революция»), далее Циркумпонтийская металлургическая провинция (ЦМП), и через нее искусство металлургии попало в степи центрального Казахстана [6, с.159,173,196]. Именно там находятся самые древние в Центральной Азии рудники и шахты. Следовательно, народы, проживавшие там, ранее всех остальных в этом регионе овладели секретами ремесла, и осмысление места и значения кузнецов тоже должны отличаться от представлений оседлых культур.

Учитывая, что развитие горного дела и обработка металлов сначала локализовалась в конкретных центрах, совокупность которых Е.Н. Черных называет «ядром евразийских культур», это искусство со временем стало распространяться далее на восток в другие места, попутно меняя все. «Запоздалое появление железа, сопровождаемое его промышленным триумфом, оказало сильное влияние на металлургические

обряды и символы. Целая серия табу или способов магического использования железа вытекает из его победы и из того факта, что оно вытеснило бронзу и медь, представителей других «веков» и других мифологий», – говорит М. Элиаде [7, с.150].

Во время скифо-сакского господства или, иначе говоря, в эпоху «железа» металлургия не просто достигает своего пика, но еще и трансформируется в совершенно уникальный мировоззренческий и художественный феномен – звериный стиль. Также необходимо подчеркнуть, что скифо-сакский мир не только смог стать хранителем тайн обработки металлов на уровне сакрального ремесла, но сумел выработать особый образный язык, вместивший в себя философские императивы и священную историю того «как все начиналось».

Кузнец здесь не просто производственник, ремесленник, занимающийся весьма тяжелой и грязной работой, мало соотносящейся с миром искусства, но фигура, наделенная особой властью, он, прежде всего тот, кто «обрабатывает железо, а кочевой образ жизни (поскольку он постоянно перемещается в поисках сырья и заказов) заставляет его вступать в контакты с разными народами. Кузнец – основной распространитель металлургических мифологий, обрядов и таинств» [7, с.150].

С одной стороны, мир кочевников является отлично организованным стабильным социумом, с другой – чрезвычайно динамичным сообществом. Несмотря на то, что его формируют множество этносов, каждый из которых обладает своими культурными особенностями, номады отличались невероятно простым и ясным видением, отразившимся в их мировоззренческой системе. Четкое социальное разграничение и строгая «расстановка сил» в духовной сфере нарушались только в одном случае, если дело касалось кузнецов, которые «точно так же как шаманы, пользуются репутацией «хозяев огня». В некоторых культурных зонах кузнец считается равным шаману, если не выше его. «Кузнецы и шаманы – из одного гнезда», – говорит якутская пословица» [7, с.184].

Народы Южной Сибири самым тесным образом связаны с кочевниками. Их близость сформировалась еще в железном веке и постоянно присутствует в повседневной жизни на уровне фольклора и традиционного искусства. Известно, насколько значителен шаман у народов Сибири, он являлся посредником, проводником между мирами. Кузнец также занимал важное

иерархическое положение, потому что, как и у шаманов, инициационные тайны передаются наследственным способом и только по призванию.

Металл стал для человека самым важным материалом не только из-за своих технических характеристик, но, в первую очередь, в силу своих сакральных качеств. По сути, он бессмертен, так как может «трансмутироваться» в любые формы, соединяться с другими металлами, образуя сплавы, бесконечно улучшать свои способности. становится понятным глубокое устойчивое желание человека запечатлеть самую важную для себя информацию в материи, наилучшим образом соответствующей этим замыслам – металлу.

В отличие от бытового, художественный металл аккумулирует не просто образность и изобразительные изыски, но представляет собой абсолютную гармонию идеи и ее визуального выражения, сообщенную посредством материала, который сам по себе является чудом, магией. Эта тайна должна быть всегда с человеком, стать частью его самого, поэтому образцы художественного металла не могут быть большими по размеру. Конечно, есть примеры крупных произведений, но в основном, а особенно, в скифо-сакскую эпоху артефакты небольшие, компактные, созданные занять свое место рядом с человеком, чтобы продолжить выполнять свою сакральную функцию.

Заключение

Таким образом, мы видим, что металлургия не столько производство, сколько священное искусство. Она предназначена не для профанов, но для особой касты избранных, способных совместить небесное и земное, адаптировать это для смертных. Четко уяснив тайную природу металлов, древние с трепетом относились к ним, опасаясь их способности менять человеческую природу. В этом, вероятно, заключается скрытый принцип союза людей с металлами. Эра металлов пришла на смену райскому способу существованию, свойственному собирательству и примитивному земледелию, принесла с собой новые возможности, вызывая к жизни темные стороны человека – жажду насилия и страсть к войне.

В данный момент все усиливающееся желание людей использовать в своей жизни как можно больше металла, окружить себя им, скорее всего, тоже имеет под собой определенные основания. Возможно, так человек чувствует себя лучше защищенным, но и более уязвимым, что заставляет его привлекать к себе все больше металла.

И нигде мы не видим масштабней запасов металлов, чем в военно-промышленной индустрии, нацеленной исключительно на насилие.

Автор настоящего исследования полагает, что именно за это тайное свойство природы металлов, металлургия считалась древними запретным искусством, которое, попав не в те руки, способно принести неизмеримо больший вред человечеству, чем пользу. Поэтому доверялась людям исключительно чистым и возвышенным морально, способным сохранить ее сакральную природу и предназначение.

Эволюцию невозможно остановить или хотя бы приостановить, в положенный срок человечеству сообщаются очередные истины, через которые оно совершает «квантовый скачок». Освоение камня, металла, письменности и т.д. коренным образом повлияли на развитие цивилизации. Но это гораздо больше, чем истори-

ческие этапы, потому что «в действительности с каждым новым фундаментальным открытием человек не только расширяет сферу эмпирического познания и обновляет средства существования, но и открывает новый космический уровень, иной порядок бытия. Не открытие металлов как таковое вызвало скачок в сознании, но «присутствие» металлов, благодаря которому человек открывает другой космический уровень, т. е. входит в контакт с неведомыми ранее реальностями. Другими словами, «металлургия, как и земледелие и т. п., провоцирует ментальные синтезы, радикально видоизменяющие условия существования человека, преобразуя его представления о Космосе. Эти ментальные синтезы, превзойденные или преобразованные последующими открытиями, являются подлинными фактами умственного и духовного развития человечества» [7, с. 81].

Литература

- 1 Боровицкий Ю.Б. Эстетика. – М.: Русь-Олимп, 2005. – 829 с.
- 2 Рескин Джон. Лекции об искусстве / пер. с англ. П. Когана под ред. Е. Кононенко. – М.: БСГ-ПРЕСС, 2006. – 319 с.
- 3 Каган М.С. О прикладном искусстве. – Избранные труды в VII томах. Том V. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. – СПб.: Петрополис, 2008. – С.71-191.
- 4 Ситчин З. Потерянные царства. – М.: Эксмо, 2004. – 416 с.
- 5 Алпатов М.В., Ростовцев Н.Н., Неклюдова М.К. Искусство. Книга для чтения. Живопись, скульптура, графика, архитектура. – М.: Просвещение, 1969. – 544 с.
- 6 Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.
- 7 Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе: пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.
- 8 Маргулан А.Х. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Сочинения: В 14 т. Т. 2. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 144 с.
- 9 История искусства зарубежных стран: Первобытное общество, Древний Восток, античность / Авт. Кол. Ин-та И.Е. Репина. – М.: Изобразительное искусство. 1980. – 384 с.
- 10 Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб: Азбука-классика, 2010. – 320 с.
- 11 Генон Р. Избранные сочинения. Царство количества и знамения времени. – М.: Беловодье, 2003. – 480 с.

References

- 1 Borev Ju. B. Jestetika. – M.: Rus'-Olimp, 2005. – 829 s.
- 2 Reskin Dzhon. Lekcii ob iskusstve / per. s angl. P. Kogana pod red. E. Kononenko. – M.: BSG-PRESS, 2006. – 319 s.
- 3 Kagan M. S. O prikladnom iskusstve. – Izbrannye trudy v VII tomah. Tom V. Problemy teoreticheskogo iskusstvoznaniya i jestetiki. – SPb.: Petropolis, 2008. – S.71-191.
- 4 Sitchin Z. Poterjannye carstva. – M.: Jeksmo, 2004. – 416 s.
- 5 Alpatov M. V., Rostovcev N. N., Necljudova M. K. Iskusstvo. Kniga dlja chtenija. Zhivopis', skul'ptura, grafika, arhitektura. – M.: Prosveshhenie, 1969. – 544 s.
- 6 Chernyh E. N. Stepoj pojas Evrazii: Fenomen kochevyh kul'tur. – M.: rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. – 624 s.
- 7 Jeliade M. Aziatskaja alhimija. Sbornik jesse: per. s rum., fr., angl. – M.: Janus-K, 1998. – 604 s.
- 8 Margulan A. X. Saryarka. Gornoe delo i metallurgija v jepohu bronzy / sost. D. A. Margulan, D. Margulan. Sochinenija: V 14 t. T. 2. – Almaty: Dajk-Press, 2001. – 144 s.
- 9 Istorija iskusstva zarubezhnyh stran: Pervobytnoe obshhestvo, Drevnij Vostok, antichnost' / Avt. Kol. In-ta I. E. Repina. – M.: Izobrazitel'noe iskusstvo. 1980. – 384 s.
- 10 Genon R. Ocherki o tradicii i metafizike / per. s. fr. V. Ju. Bystrova. – SPb: Azbuka-klassika, 2010. – 320 s.
- 11 Genon R. Izbrannye sochinenija. Carstvo kolichestva i znamenija vremeni. – M.: Belovod'e, 2003. – 480 s.